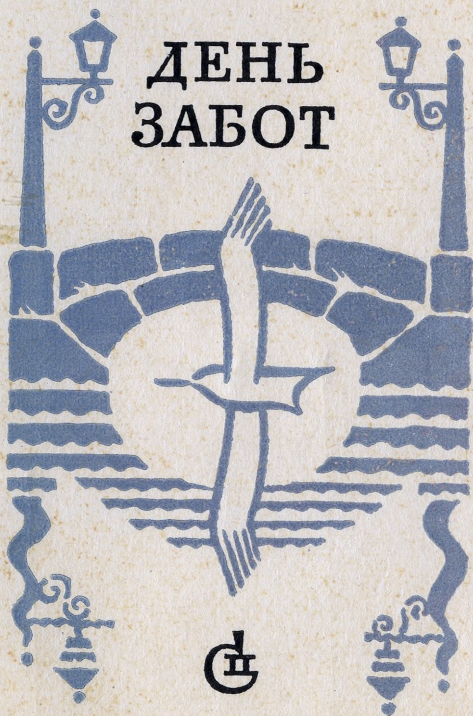

ГЕОРГИЙ НЕКРАСОВ

ДЕНЬ
ЗАБОТ

ГЕОРГИЙ НЕКРАСОВ

ДЕНЬ ЗАБОТ

Стихи

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1979

Сборник новых стихотворений Георгия Некрасова «День забот» составляют стихи — раздумья о красоте родной природы, о предназначении человека, о дружбе и отзывчивости, о любви, о великом чувстве сопереживания. Вместе с тем, раскрывая красоту и величие человека, поэт обличает мелкое себялюбие, эгоцентризм, все, что обедняет и сковывает душу, лишает ее творческого размаха. Стихи Г. Некрасова привлекают зрелостью мысли, искренностью чувств и высокой гражданственностью.

ГРАНИ

* * *

Скрылась юность и молодость тоже.
Но сквозь плотную толщу годов
Буду видеть их, сколько б ни прожил,
Как бессонный огонь маяков.

Штурмовые нелегкие ночи
Пятилеток, входивших в наш быт,
И великое слово — рабочий,
Устремлявшее души в зенит.

Все, чем жил я, и зримо и живо.
Я сберечь в своем сердце сумел
Молодую готовность к порыву
В многоликости будничных дел.

Дни бывают похожи на штормы,
И они, разбивая покой,
Проверяют с пристрастьем упорным:
Что ты стоишь
И кто ты такой?

И ответ мой мгновенно осветит
Свет, берущий начало в былом.
Как бы жил без него я на свете?
Не могу и подумать о том.

У ОБЕЛИСКА

На обелиске, вставшем над могилой
Погибших в самой яростной войне,
Целуется с голубкой сизокрылой,
Воркуя, голубь в чуткой тишине.
Едва лепечет листьями крушина.
Природе никакого дела нет
До радостей, которые нужны нам,
Ни до больших, ни малых наших бед.
... Как и тогда стоит в зените лето.
И мне опять, уже в который раз,
Все кажется: могильный холмик этот
Насыпан не когда-то, а сейчас.
И вновь гремит в ушах салют прощальный...
А вслед за ним из бездны голубой
Природы голос: «Ты не будь печальным:
Земля цветет, и солнце над тобой.
Ты не зачислен в горестные списки,
С живым не скоро оборвешь родство,
И голуби на строгом обелиске
Всесильной жизни славят торжество».
И я природе так сказал: «Послушай,
Хвала тебе, что жизнь всему дала,
Но, к счастью, своего ты равнодушья
Вселить в сердца людские не смогла».

НА МОСТУ

По утрам через Кировский мост
Прохожу я под грохот трамвая.
Над Невою гудящий норд-ост
Заревую кайму раздувает.
В розоватом сияют огне
Колоннады стареющих зданий,
С декорацией хочется мне
Их сравнить в этой утренней рани.
Мне навстречу в раздумьях своих
Незнакомые — слева и справа.
Впрочем, нет, незнакомыми их
Называть не имею я права.
Так встречаемся мы столько лет
Над бегущею невской волною!
Написал бы любого портрет
И не видя его пред собою.
Я их встречные взгляды ловлю.
Вот у этого взгляд невеселый:
Погруженный в заботу свою,
Он прошел словно с ношей тяжелой.
А за ним, каблучками звеня,
Под балтийским порывистым ветром,
Вдруг она одарила меня
Удивительно радостным светом.
Этот ходит спокойно всегда,
Но сегодня он, вижу, в волнение,

И торопит его не беда,
А задумки живой нетерпенье.
Но когда я кого-то из них
Не встречаю, приходит тревога:
Может, нет его больше в живых?
Ведь не вечна по жизни дорога...
Но не верится, что его нет.
И одно меня мучает властно:
Почему же за столько-то лет
Не сказали друг другу мы «здравствуй!»

С усталостью
Ведем мы вечный спор.
Работаем,
Но кажется все мало.
Мы — как перенасыщенный раствор,
Дарующий
Причудливость кристалла.
Едва его коснется
Солнца взгляд,
Цветком он вспыхнет
В пробужденной рани,
И так же удивительно горят
Уменья человеческого
Грани,

* * *

Из полусонной темноты
Придет, я знаю, миг такой,
Когда задумаешься ты
Над тем, что сделано тобой.

Глазами памяти смотри
В живой поток минувших дел.
И хорошо бы до зари
Поток иссякнуть не успел.

Но если он минут за пять
Промчится...
Ты захочешь спать?

Я слышать не могу:
«И в молодость, и в зрелость
Приберегай деньгу,
Чтоб сытно в старость елось».

Выходит, день за днем,
Когда в руках работа,
Все измеряй рублем,
А не мечты полетом.

И если в жизни вдруг
Тебе придется круто,
Кричи: «На помощь, друг!» —
Но не более за друга.

Встречал таких людей,
Имевших вклад солидный,
Они на склоне дней
Обзавелись обидой.

Я с болью слушал их,
Сидящих с грустным взглядом:
«Живу прочней других,
Но друга нету рядом...»

Им не понять никак,
Хоть старость в кости въелась,
Что прожили не так
И молодость, и зрелость.

* * *

Жизнь порою такое подбросит,
Что наутро появится проседь.
Значит, горем других ты не жил,
Значит, душу не закалил.

Я давно в одной мысли упорен,
С ней иду по дорогам крутым:
Чтоб не сдаться пред собственным горем,
Научись справляться с чужим.

Будь в жизни осторожным, говорят,
И все тогда получится толково,
Следи, как слово изменяет взгляд
Того, к кому ты обращаешь слово.

Оракулу, довольному собой,
Смотрю в глаза — его души оконца —
И вижу два болотца пред собой,
Зеленой ряской скрытые от солнца.

И я слова, подобные камням,
Бросаю в них — пусть выплеснут волнение!
Но лишь ползет улыбка по щекам,
Глаза хранят все то же выраженье.

Я подожду. Он не избегнет дня,
Когда в него растерянность ворвется,
И он поймет, что жизнь над ним смеется,
Что осторожность правде не родня.

* * *

Все сокрушает время?
Не спеши
Внимать молве,
Оно не так уж грозно
Пред истинным созданием души, —
С ним время поступает
Осторожно.

В заснеженном поле широком
Увидел вдруг елочку я.
Ей было до леса далеко
И дальше еще до жилья.

Была она как неживая,
Глядела в морозную мглу,
Под тяжестью снега сгибая
Продрогшие ветви к стволу.

И сердце как будто упало
От мысли, что я одинок...
В сто раз холоднее мне стало,
Чем ей в этот хмурый денек.

Припомнил друзей неизменных,
С которыми дело свело,
И хлынуло к сердцу мгновенно
Спасительное тепло.

И недруги вспомнились тоже
(Пускай свои крутят круги,
Но гнаться пред ними негоже).
И тут я ускорил шаги.

Я шел, позабыв про усталость,
А елочка снова одна
В глубоком сугробе осталась...
Приди поскорее, весна!

Черемуху ветер качает и рвет,
И дождь налетает кипеньем.
Не дрогнув листочком, стоят на окне
Герани в пунцовом цветенье.

С черемухи сыплются в лужи цветы,
Рябь беспокойную воду.
Надменно герани глядят за окно,
Смеясь над шальной погодой.

Черемуха гнется, ветвями стучит
В домашний уют нерушимый,
Но вдруг и ветрам и дождям вопреки
Врывается в небо вершиной.

Без неба высокого ей не прожить,
Хоть ветер порою и ранит.
Пред нею —
Бореньем наполненный мир,
А им подоконник,
Гераням.

* * *

Ты руки опустил...
Заветное с тобой
Ведет не то игру;
Не то упорный бой.
К нему ты рвешься,
А оно, гляди,
Опять маячит
Где-то впереди...

Чего ж ты растерялся?
Никогда
Оно нам не давалось
Без труда.
А если б все на свете
Просто бралось,
Давно б твоя душа
В комочек сжалась.

На свете, ты знаешь, дорог не сочтешь,
Они опоясали землю собою.
Мы много пройдем их за век свой, и все ж,
Коль знаешь, во имя чего ты живешь,
Идти будешь всюду дорогой одною.

СЕКВОИЯ

У Черного моря чуть слышно шумит
Секвойи зеленая грива,
А ствол ее, как красноватый гранит,
Уходит стрелою в бездонный зенит,
Похожий на воды залива.

Стоит она, словно врубившись в песок,
Взирая на небо и волны,
Не зная борьбы и не зная тревог,
Ни счастья победы, ни дальних дорог,
И этим, как видно, довольна.

Она проживет еще тысячу лет,
А может, и две, и четыре.
В природе, увы, справедливости нет:
В сравненье с секвойей, глядящей в рассвет,
Мы просто прохожие в мире.

Но тут я увидел в просторе морском,
Под солнцем, пылающим знойно,
Два мощных буксира уводят на слом
Огромнейший лайнер, как вымерший дом,
Свое отслуживший достойно.

Ему не угнаться уже за другим
Красавцем, покинувшим стапель.

Ну как на дорогах соседствовать им?
И время его повеленьем своим
Бросает под газовый скальпель.

Закон поколений — стремиться вперед,
Ведь жизнь без конца и без края.
У каждой эпохи особый полет,
В минувшей она только силу берет,
По-своему путь продолжая.

Мы все в свой черед отойдем в темноту,
Укрывшись гранитом, травой ли,
Другим передав своей жизни мечту.
И пусть твои годы на строгом счету,
Но ты не завидуй секвойе.

Говорят, кто жизнь достойно прожил,
Чувств своих не расплескав при том,
К старости становится похожим
На подругу верную лицом.

Вот они вышагивают рядом,
Под руку друг друга крепко взяв,
Удивленным их встречают взглядом,
Разговор невольно оборвав.

Выдумкам природы нет предела, —
До сих пор загадками полна.
Только все же, что сказать хотела
Этим сходством мудрая она?

Верится: когда она гордится
Постоянством искренним людей,
Словно бы родство кладет на лица
Силою волшебною своей.

ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА

Мороз трескучий на полмира.
Скворец зимует где теплей,
А здесь уже его квартиру
Проворный занял воробей.

Но с каждым днем поют все звонче
Ручьи в логах. Зиме конец!
И на скворечнике закончил
Свой дальний перелет скворец.

И воробей, струхнув немножко,
Весны не слушая молву,
Кричит из круглого окошка:
«Я здесь живу! Я здесь живу!»

Скворец, на солнышке блистая,
Сказал, не тратя лишних слов:
«А я здесь вырастил полстаи
Со мной примчавшихся скворцов».

И, голос родственный услыша,
Вдруг отовсюду, как бойцы,
И ветви, и скворечни крышу
Мгновенно заняли скворцы.

И воробей, расправив крылья
У дружной стаи на виду,
Вспорхнул и крикнул от бессилья:
«Себе получше дом найду!»

ЖАВОРОНОК

Зорька ранняя занимается,
В бриллианты одев траву,
Звонкий жаворонок поднимается,
Как по ниточке, в синеву.

Словно солнышку на потребу,
Чтобы стать ему горячей,
Он заполнил большое небо
Песней радостною своей.

Облака, над ржаными нивами
В розоватый построясь ряд,
Голосистыми переливами
Зачарованные стоят.

Я, заслушавшись, тоже замер.
Где же ты, озвучивший свет?
В небе тщетно ищу глазами,
А тебя словно в небе нет.

Ты как будто в ответ мне вызвонил,
Пробудив простор ото сна:
Мол, неважно, кем радость вызвана,
Важно, чтобы жила она.

РАСЦВЕЛА ЧЕРЕМУХА

Еще вчера, в часы заката,
Она стояла зелена
И тихим ожиданьем чуда
Была до листика полна.

И теплый сумрак майской ночи
Молчал таинственно кругом.
Но вот не выдержало небо,
Махнуло заревым крылом.

Проснулся ветерок рассветный,
И в голубой его волне
Листва черемухи качнулась
И скрылась в пенной белизне.

Когда светила шар багровый
Над лесом показался весь,
Не мог он даже на минуту
Взгляд от черемухи отвести.

Она, вздымая над поляной
Порозовевшие цветы,
Не то гордилась красотой,
Не то стеснялась красоты.

МАРТ

Весна уже по всем дорогам кружит,
И под ее шагами по утрам
Звенят ледком окованные лужи,
Как серебро, упавшее к ногам.

И, хмурости своей стыдясь, с рассвета
Уходят тучи под ветров молву
И открывают неземного цвета
Пронизанную солнцем синеву.

Я пью ее восторженно глазами
В сверканье окон каменных громад,
И все тревоги, что владеют нами,
Не так упорно душу теребят.

Неясное становится вдруг ясным,
И вера укрепляется в себя,
И кажется поистине прекрасной
Самим тобой творимая судьба.

Что из того, что яростно когда-то
Ударить может неудачи жгут —
За промахи мгновенная расплата.
Без этого на свете не живут.

О ней сегодня думать не хочу я.
Придет — посмотрим, чья тогда возьмет.

С весной по светлым улицам кочуя,
Я радуюсь — с земли уходит лед!

Шум города и звонче и моложе
В раскованности мартовской своей.
И все-таки он заглушить не может
Журчащий вдоль поребрика ручей.

Яркими осколками зари
Прыгают на ветках снегири,

Падают на снег то там, то тут,
Кажется, что снег сейчас прожгут,

И, настроясь на весенний лад,
Ручейки вокруг заговорят,

Ива в синеватый небосвод
Заячьими лапками взмахнет,

Затрещит вот-вот на речке лед,
Журавлей приветствуя прилет. . .

Но гудит нахмуренная ель:
«Скоро разыграется метель».

ДВОРНИК

Над городом в дымке морозной
Багровое солнце встает.
Причудливой россыпью звездной
Снежинки горят у ворот.

Притихшие смотрят ребята,
Как дворник, дорожку гоня,
Сгребает широкой лопатой
Стоцветные блески огня.

И странно ребятам: под вечер
Кряхтел на морозе старик,
Закутавшись в шубу овечью,
Запрятав лицо в воротник.

А нынче он в фартуке белом,
В коротенький ватник одет,
И шапку со лба то и дело
Сдвигает, запарившись, дед.

Морщинистый лоб его вымок,
Промокли морщинки у глаз,
Как будто сверканье снежинок
Его согревает сейчас.

Лета, что ли, жаркого примета,
Воротник подняв, подумал я.
Под мостом, грохочущим с рассвета,
В полынье морозной, словно летом,
Диких уток плещется семья.

Машут, машут серыми крылами.
Кажется — вот-вот уйдут в полет,
Но лишь брызги падают цветами,
Их, краснея ярко над домами,
Розовыми делает восход.

С шейкой синей селезень, проворно
Лапками гребя по круговой,
Вертит головою, как дозорный,
И, о чем-то крякая задорно,
Невской умывается водой.

Светит доброта в глазах прохожих,
А улыбки — нежности нежней.
В этот миг ничто их не тревожит,
На детей становятся похожи
В утренней раскрытости своей.

Но я вижу: их торопит дело,
Спешка наступающих часов,

Жесткость планов, споры без предела,
И быть может, кто-то слишком смело
Бросит в споре пару горьких слов.

Верить мне не хочется, что эти
Люди, разорвавшие на миг
Из забот сработанные сети,
Вдруг на горечь горечью ответят.
Этот миг не зря в сердца проник.

* * *

Очень просто того обмануть,
Чья судьба и честна и пряма,
Лишь тепла ему надо чуть-чуть —
И душа распахнется сама.

Это вижу я за день не раз,
И горжусь и смиряю свой пыл:
Я боюсь, чтобы кто-то из нас
В эту душу ногой не ступил.

Она и он, прильнув друг к другу,
Идут, друг другу стиснув руку,
И кажется им, что они,
Где ни идут, везде одни.
Что город — каменная ода —
На радость им в подарок отдан,
К мостам бегущая река
Для них примчалась сквозь века,
И что деревья в каждом парке
Для них свои сплетают арки,
И даже солнце, и оно
Во имя их вознесено.
Иду с улыбкою за ними,
Как по счастливому пути.
Всю жизнь пройти бы им такими.
А вот сумеют ли пройти?

Кто слишком тих под старость, кто шумлив.
Не потому ль случается такое,
Что был второй не в меру молчалив,
А первый не давал словам покоя?

Людскую время изменяет стать,
Какой-то рычажок смещает в душах,
Чтоб мог второй всю жизнь пересказать,
А первый поразмыслить над минувшим,

СТИХИ О МАТЕРИ

1

Двадцатый год. В квартире холод.
На плитах чугуны пусты.
И на погостах ставит голод
Свои печальные кресты.
Ты разрезаешь ломтик хлебный
На пять малюсеньких частей
И, словно эликсир целебный,
Меж нами делишь миску щей.
Потом, присев к столу,
Упрямо
Глядишь в раздумье на свечу.
«А как же ты, — мы спросим, — мама?»
Вздохнешь и скажешь:
«Не хочу».

Мы стали взрослыми.
Невестки
Уже хлопочут у плиты.
Но в доме, это всем известно,
По-прежнему хозяйка — ты.
«Невестки, — говоришь, — девчонки,
Всего им сразу не понять...»
И внуки весело ручонки
К тебе протягивают, мать.

«Зачем ребят балуешь вечно? —
Бывало, с ходу огорчу. —
Вздремнула бы!»
А ты сердечно
Взглянув, ответишь:
«Не хочу!»

Однажды мы хвалили дружно
Высокий южный небосвод,
В красе завидной гор окружье
И волшебство лечебных вод.
Нам удалась тогда уловка, —
Ты обронила:
«Это — рай!»
Мы рассмеялись:
«Вот путевка.
В дорогу вещи собирай».
Ты посмотрела виновато:
«Мне этот путь не по плечу...
К тому ж еще без вас, ребята?
И слышать даже не хочу!»

Ах, мама, мама! Оттого-то
Так много света и тепла,
Что эта нежность и забота
Нас по родной земле вела.

2

Жизнь щадить и не думала нас.
Не припомнить мне что-то везений.
Но пути находил я не раз
Из безвыходных положений.

И, готовый стоять на своем,
Все же мучался мыслью, бывало:
Окажись ты на месте моем,
Что бы сделала, что бы сказала?

3

Дочь погибла. Два сына твоих
Не увидели мирное небо.
Без меня ты оплакала их,
Я с тобой в дни суровые не был.

Смерть прошла от меня стороной,
Каждый скажет: случайная милость.
Ты, успев лишь воскликнуть: «Живой!» —
На руках у меня надломилась.

Пламя неизреченной любви
Захватило тебя, как в кружение,
Только горькие думы твои
Не сгорели в нем в это мгновенье.

Повстречались мы так не одни...
И я верю: в суровой печали
У святых обелисков огни
От сердец матерей зажигали.

4

Каждый вечер, тебя вспоминая,
К телефону шагаю сквозь темь,
Чтоб услышать из дальнего края
Голос твой, не сравнимый ни с чем.

В нем несмелая ласка, забота,
И извечный души непокой,
И еще несказанное что-то,
Без чего бы ты стала другой.

Седовласый, с сыновним волнением
Передать я пытаюсь скорей
То, что чувствую в это мгновенье,
Но слова мои чувства бедней.

Ты умеешь обычное слово
Так сказать, что оно прозвучит
Для меня удивительно ново
И сверкнет, как зарница в ночи.

И, когда уже трубка немеет,
Вновь себе говорю я в тиши:
«Никогда мы постичь не сумеем
Глубину материнской души».

5

Из краев возвращаюсь чужих.
Дом заветный все ближе, все ближе.
Над изломами стен городских
Я отчетливо образ твой вижу.

Словно вышла ты встретить меня,
Беспокойная вечно, седая,
Дымный город собой заслоня,
Ты идешь, торопливо шагая.

Хоть я знаю, что ты в этот час
Суетишься, внучат непослушных
Чаем поишь и все-таки глаз
Не спускаешь с часов равнодушных.

Поезд мчится, гремя и трубя,
Им не наше ли движет волнение?
Как я вижу спешащей тебя,
Так ты видишь мое приближение.

6

Жизнь иногда не строит нам помехи,
Как будто все идет само собой,
Я радуюсь мне выпавшим успехам
Всегда с тобой.

Но если же печали, неудачи
Обрушатся, как частый дождь в ночи,
Стараюсь я тебя не озадачить,
Тревогою своей не омрачить.

Но все равно, хотя не говорю я
Тебе об этом — чувствуешь душой.
И потому-то мучусь и горюю
Всегда с тобой.

7

В меховой телогрейке она
Дни проводит свои у окна.
Ей пройти от окошка до двери,
Как шагами полмира измерить.

А безудержный уличный шум
Не уводит от сумрачных дум,
И с утра они душу тревожат:
«На кого же я стала похожа? ..
Все бы сделала: дом прибрала
И обед самый лучший сварила...
И куда подевалась сила?
Словно вовсе она не была. . .»
И слезу, огонек голубой,
Непроворной стирает рукой,
Но другие сбегает слезинки,
Торопясь, от морщинки к морщинке.
Я с тревогой смотрю на нее.
Разрывается сердце мое.
Мама, мама, я все понимаю,
Только как успокоить — не знаю.
Жизнь твоя не из легких была,
От себя ты усталость гнала,
А теперь, твою слабость заметив,
Навалилась она многолетьем.
Но не гаснет в тебе непокой.
Счастлив я, что еще ты со мной.
Твои руки, как в детстве, целуя,
«Мама, ну улыбнись», — говорю я.

В ТВОЕМ КРАЮ

К. Сухановой

РОДНОЕ

Горячий воздух, кажется, дрожит,
Холмы уходят вдаль неторопливо,
На каждом созревающая нива
Осколком солнца в зелени лежит.

Подобно стражам, на холмах стоят
Березы и березовые рощи.
Что может быть еще на свете проще?
А ты не в силах отвести свой взгляд.

* * *

В конце деревни, под листвою раakit,
За палисадом старый дом стоит.
С хозяином его я столько раз
Клев ожидал в глухой рассветный час.
А нынче зоревал без старика
И верилось: грустит о нем река.

Я свой улов, блестящий серебром,
Принес в осиротевший старый дом.

Старушка удивилась:

«Как же так?» —

«Да что об этом, — говорю, — пустяк».

О главном, чем душа была полна,

Смолчал я. Промолчала и она.

Чтоб горькие не вырвались слова,

По кухоньке прошел и раз, и два.

И вижу: там, в буфете, за стеклом

Два ордена на ленточках рядом.

И я сказал:

«То не в обиду вам:

Почетней надо б место орденам». —

«За это ты, сынок, не осуждай.

Все меньше ем, все больше пьется чай.

И каждый раз, лишь распахну буфет,

Войдет как будто тот, кого уж нет,

И пробасит, рыбацкий сняв наряд:

«Теперь чайком погреться в аккурат».

Себе поставлю чашку, а ему —

Стакан, никем не тронутый в дому,

Себе заварки — только б запах был,

Ему — покрепче, крепкий он любил.

И вот сидим, мне кажется, вдвоем

И молчаливый разговор ведем.

А пережито нами, боже мой!

Чтоб все припомнить, нужен век второй.

Да что ж все говорю я... Извиняй.

Поди, продрог. Сейчас заварим чай.

За то, что дружбу помнишь, так и быть,

Ты из его стакана будешь пить...»

ГРОЗА

Светило в космической печке
Уже докрасна накалили.
И вот невидимкою краном
Его опустили за рощу
К невидимой наковальне.

А справа чернильные тучи
С подпалом зловеще багровым,
Друг друга сшибая, клубятся,
И кажется мне, что бульдозер
Их двигает неумолимо.

Погасли закатные краски,
И тьма вдруг обрушилась с ветром,
И тьма закружилась, завывала,
Деревья в нахлынувшем страхе
Дрожат и сгибаются низко.

За рощей глухие удары:
Как будто кузнец намечает
Своим молотком торопливым,
Куда опуститься с размаха
Безмерно тяжелой кувалде.

И вот словно треснуло небо,
Вселенский простор оглушая, —
Невидимый молотобоец
Кует раскаленное солнце,
Слепя помрачневшие окна.

Но чтоб кузнецов не сломило
Жары нестерпимой дыханье
И в молоты чтоб не успела
Усталость вложить свою тяжесть,
Вдруг хлынул отчаянный ливень.

РУССКАЯ ПЕЧЬ

Она стоит громадиною белой,
Ей во владенье кухня отдана.
Но, как щитом, заслонкой закоптелой
Сегодня запечатана она.
И вот глядит, глядит недоуменно
На газовые венчики огня
И чует: запекается драчена,
Уха кипит из жирного линия.
«А это все моей заботой было,
Во мне бурлило столько чугунов!
Свое уменье я не позабыла.
Но, может, просто не хватило дров?
Не верится. Хозяйка торовата,
У ней на диво спорятся дела,
Хотя она рогатого ухвата
Еще сегодня в руки не брала.
И на меня не бросит даже взгляда,
Чужее словно нет меня в дому.
Выходит, что она уже не рада
Плечистому размаху моему...»
Но тут хозяйка, сняв свои кастрюли,
Отерла плитки белую эмаль.
На печь как будто холодом дохнули:
Хозяйке не ее, другую жаль.

А в комнате красивой, трехкоконной
Печь с завистью увидела на миг,
Как на экране телевизионном
Привычно полыхнул ее двойник.
И показалось вдруг — заговорила:
«Меня еще вспомняете не раз, —
Не кто другой — веками я варила
Обеды вам и согревала вас».

ПО ДОРОГЕ НА СЕНОКОС

Только что сошел туман
С перелесков и полян,
С камышинок мокрых.
Розовел слегка восток,
Как гераневый цветок
В просветленных окнах.

Шли девчата на покос
В переблеске острых кос
По-над речкой быстрой.
И с утра им вновь и вновь
Пел про верную любовь
Маленький транзистор.

Каждой верилось: поет
Кто ее под вечер ждет
В роще на свиданье.
Голос вдаль с собою звал,
Тайну сердца выдавал —
Близкое признание.

А холодная роса,
Отражая небеса,
Солнце над опушкой,
Разгорается кругом
Переливчатым огнем,
Как сережки в ушках.

Вдруг одна сказала: «Здесь
Самоцветов нам не счесть —
Целый клад разбросан.
Соберем их поскорей!» —
И, взмахнув косой своей,
Двинулась прокосом.

Сразу выстроился ряд.
Травы падают, шумят
Под железным свистом.
А в ромашках вновь и вновь
Пел про верную любовь
Маленький транзистор.

* * *

Космата, как дикая Бара.
Белеет нейлон на плечах,
И юбка, подобие шара,
В нелепо роскошных цветах.

Усерднее старой наседки
Сидит целый день у окна:
Простившись весной с восьмилеткой,
На почте ждет место она...

Вернулся отец с сенокоса.
Он полон заботой села:
«Утрами хорошие росы,
Но плохо — бригада мала».

Она улыбнулась жеманно
И смотрит в окошко опять,
Как будто небесная манна
В колхозе создаст благодать.

Идти ей не хочется к людям, —
Пугает полуденный жар:
Шокировать, видите ль, будет
В Осташкове медный загар.

ГОЛУБЫЕ КОНИ

В древних летописях есть упоминания о голубых конях, которых выращивали на тверской земле.

Посмотрите, на иконе
Голубые мчатся кони
В небо синего синей.
Это значило, что к богу
Совершали так дорогу
Души умерших людей.

И считалось: голубые
Потому, что неземные,
Духам ангельским сродни.
Мол, куда годятся наши,
Ходу им не дальше пашен —
Там и кончатся они.

Созидает время, рушит,
Переделывает души,
Превращает камень в пыль,
Человеческую память
Дней окутывает замать,
И в легенду входит быль.

Но явись с другого света
Кто писал икону эту,
Как бы он смеяться стал:
«Голубых красавцев стройных,
Как богов — с друзей достойных,
Я с натуры рисовал.

Тверяки без божьей власти
Управляли этой мастью,
Удивляя мир честной.
И бывал не в праздник праздник,
Если средь упряжек разных
Конь не мчался голубой.

А о том, что, как по суше,
Кони к богу возят души —
Поп глагольствовал в селе.
Но скажу я, твердо зная:
Нет ни ада и ни рая —
Сотни лет лежу в земле».

* * *

«Выйду ль я на реченьку» — поется
На какой-то радиоволне.

Сердце замирает, сердце бьется,
Речка словно движется ко мне.

Берегов песчаные извивы
Шелестят высокою листвою,
И уходят зреющие нивы
В неба голубеющий покой.

В городе родился я и вырос.
Но отцу той песни нет милей.
И, выходит, что б ни говорилось:
Песня эта от родных корней.

Не молюсь на старину, ей-богу,
Но уж если жизнью решено —
Новое в былом берет дорогу,
Прошрое у песен быть должно.

Слушая скрежещущие джазы
И кривляк, зудящих в микрофон,
У меня заходит ум за разум,
Хоть из дома убирайся вон.

Словно мир от грохота стал тесен,
Словно рухнул в дикую пургу...
Где ж родство у этих самых песен?
Что-то я постигнуть не могу.

«Выйду ль я на реченьку» — поется
На какой-то радиоволне.
Сердце замирает, сердце бьется,
Речка словно движется ко мне.

НОЧЬЮ

День положил на жизнь свои отметки
И отпылал.
В окошко — стук да стук.
И вижу: это с яблоками ветки
Ко мне стучатся, как стучится друг.

Открыл окно в провал ночного мрака.
Чернеют листья, светятся плоды,
Они собой заполнили сады,
Как небо полнят знаки зодиака.

Немая тишина кругом разлита.
Мне кажется:
И яблони и дом
Уносит в глубь вселенскую орбита,
Прочерченная звездным огоньком.

Не потому ль такое ощущение
Порой нас посещает по ночам,
Что космоса неслышное биенье
С недавних пор проникло в душу к нам?

С мечтой увидеть дальний мир зеленым
Смотрю в бездонность,
Ветки отклоня.
Но яблоко, упавшее со звоном,
На землю возвращает вновь меня.

СОНЕТЫ

* * *

Я долго шел к нему. А он следил
За мной упорно сквозь столетий арки,
Служивший и Шекспиру и Петрарке,
Вобравший мудрость и душевный пыл.

Порою он как будто рядом был
И обдавал меня дыханьем жарким,
Глядел на лист, где множились помарки,
И словно вопрошал: «Достанет сил?»

Призвав на помощь долгие уроки,
Его черты впечатывал я в строки,
И вот сонет передо мной возник.

Он мне кивнул, похоже, в одобренье,
Но я сказал, не скрыв свое смущенье:
«Я до конца твой верный ученик».

Ночь наплыла, как темная вода —
Таинственна, огромна и угрюма,
И тишина — как будто никогда
Земля не знала будничного шума.

Звезда зажглась, а там еще, еще,
И вот горит Вселенной многоглазье.
В ней спутникам давно потерян счет,
Земля летит в сетях орбитной вязи.

И ветер, мнится, до меня донес
Вселенной глухо брошенный вопрос:
«Что, человек, придумаешь еще ты?»

О, если так ты говоришь со мной,
Могу я силой мериться с тобой
И приручить к Земле твои высоты.

Мне говорят: похож я на отца,
Мол, одного довольно бросить взгляда...
Природу — гениального творца —
Благодарю, мне это как награда.

Рабочего он званья своего
Не променял бы ни на что на свете.
И в детстве мне казалось: без него
Завод не загрохочет на рассвете.

Отца уж нет, но до сих пор звучат
Его слова — не позабыл ни слова:
«Людей за труд привыкли привечать,
А что важнее мнения людского?»

И если нас роднят не только лица,
Не грех природе перед ним склониться.

Как небо над твоею головой,
Привыкшее к своей безмерной дали,
Минувшее всегда живет с тобой,
Хоть замечаешь ты его едва ли.

Ты веришь: сам все знаешь до конца.
Когда ж судьба вдруг повернется круто,
От деда что-то, что-то от отца
Сработает в какую-то минуту.

И вместе с ними отведешь беду,
За ложными не прячась словесами,
Чтоб после не подвергнуться суду,
Который над собой свершаем сами.

Когда и ты уйдешь с житейских трасс,
Потомка не покинешь в трудный час.

С тобою шли мы рядом столько лет!
На них нам оглянуться не зазорно.
Я поседел, и ты, товарищ, сед, —
Что делать, годы движутся упорно.

С тобой мы часто спорили, и так,
Что люди, наблюдая, говорили:
Вот этот спор — разрыва верный знак,
Считайте, что они друзьями были.

Мы равнодушие гнали от себя,
Как жизнь, всегда лишь истину любя.
Бывало, норв находил на норв.

Но в шевелюрах наших, видит бог,
За годы ни единый волосок
Не побелел от этих жарких споров.

Полет часов неумолимо смел —
Летят и на ходу меняют лица.
А ты сумей, не замедляя дел,
Хоть мысленно на миг остановиться.

И рассуди, что сделано тобой
В кипенье дня толково, не толково,
При этом постарайся быть душой
Превыше самолюбия слепого.

Оно тебе туманить будет взор
И препираться с истиной самою:
Мол, чтобы охватить земли простор,
Не надо подниматься над землею.

Мучительна бывает и крута
Врачующая душу высота.

Сплошную тьмой тянулись на восток
Лениво тучи, как тревоги знаки,
Но солнца луч их словно бы рассек,
Не мог оставить землю он во мраке.

И вот преобразилось все вокруг:
Окошки изб уже горят лучисто,
И зеленее стал зеленый луг,
Листва деревьев — легкой и искристой.

И мы, забот прорвав стальную сеть,
Душевым светом озаримся сразу,
Чтоб, как земле под солнцем, молодеть
И чтоб смелел наш беспокойный разум.

Хвала заботам: если б не они,
Не знали б счастья прожитые дни.

Есть в сердце уголок, где мы храним
Подобье нерастраченного клада,
Что драгоценно только нам одним,
Что выставлять на свет совсем не надо.

Мгновенья детства. . . Изумленность глаз,
Восторг и упоенье без предела,
Когда весь мир входил, казалось, в нас
Затем, чтоб все в нас трепетало, пело.

Нам в детство не вернуться никогда,
Но яркие о нем воспоминанья
Во дни, когда безумствует беда,
Вдруг полыхнут спасительно в сознание.

Срывая с мира горестную тьму,
Вновь возвращают красоту ему.

Сентябрь уже вступил в свои права.
За стенами ветра гремят, не грозы,
В ночные окна ломится листва
Промокшей, холодеющей березы.

Ей радости и завтра не сулит.
Далекий Север кажется все ближе,
Дыханием его ледовых плит
Последнего тепла остаток выжат.

На растерзанье словно отдана
Береза в бесприютности осенней.
К утру на ней проступит желтизна —
Суровый след мучительных борений.

И нас, быть может, ночь такая ждет,
И сединой тогда не обойдет.

За кирпичной больничной стеною
Я гляжу неотрывно в окно.
Разноликая жизнь предо мною,
Как на ленте немого кино.

Разноцветные мчатся машины,
Кран квадратики множит квартир,
И на Невке стеклянные льдины
Разбивает чумазый буксир.

Эти полные силы движенья
Приглушенные будят волненья,
Повседневность приходит на ум

И к себе призывает всевластно.
О, как нужно сейчас мне лекарство
Под названием «будничный шум»!

Какие бы ни гнули неудачи,
Сказать «разочарован» не спеши.
Не верь себе, что до конца растрочен
Врачующий огонь твоей души.

Пока живешь, он, как звезда, не гаснет.
Нам по утрам лишь кажется с тобой:
Звезду рассвета потушила ясность,
Плывущая от кромки заревой.

Ей ночь нужна с бескрайностью небесной,
Бессонная ему потребна ночь,
Когда б ты мог в себя взглядеться честно
И огоньку стать пламенем помочь.

Тогда свои ошибки и сомненья
Бросай в него. Священней нет горенья.

В минувшее гляжу опять, опять,
И в сердце грустно, словно в непогоду. . .
Потерянных часов не сосчитать,
Сложи их, и они сольются в годы.

Теперь минутой дорожить привык,
Пустое не пускаю на порог я.
Но сколько не прочел я нужных книг,
Не написал, что написать бы мог я.

Был заодно с шумливой суетой,
Внушавшей мне, что все идет как надо. . .
Кто знает, сколько мудрости людской
Прошло, мной незамеченною, рядом!

Теперь я превращаю ночи в дни,
Как будто могут все вернуть они.

Над речкою, под кущею берез,
Кресты, ограды, звездные колонки.
Здесь прошлое навечно улеглось
От жизни несмолкающей в сторонке.

А на горе, на берегу крутом,
Веселым разноцветьем смотрят хаты,
За ними по холмам, за оком
Сбегают плавно нивы желтоваты.

Гордились этим те, кого уж нет.
И это, как неписаный завет,
Владеет неуставшими сердцами.

Шумят березы в море синевы,
И слышится мне в говоре листвы:
«Минувшее не скрыто под крестами».

Еще не затянула солнце хмарь,
Еще не разгулялась ярость ветра,
Хотя сентябрь листает календарь,
С любовью провожая бабье лето.

Уже листвою дорожки замело,
Гуляет холодок в небесной синьке,
И кажется, что держится тепло
На медленно летящей паутинке.

Стучат о землю яблоки в садах,
Поля пусты и непривычно буры,
И в солнце, и в деревьях, и в цветах
Таится грусть и ожиданье бури.

Но все мгновенно изменяет вид,
Лишь детский смех до сердца долетит.

Снежинками на черном небе звезды.
В дали застывшей прячется рассвет.
Скрипят шаги вдоль улицы морозной,
Как старый расшатавшийся паркет.

Встречаются товарищи со мною,
Дню моему желают добрым быть,
Я меховой киваю головою,
Боясь и на мгновение рот открыть.

За проходной прозрачной, голосистой,
Среди цехов, что выше тополей,
Становится как будто бы теплей.
Я опускаю воротник пушистый.

Не потому ль так показалось мне,
Что солнце в каждом заводском окне.

Тамаре К — ой

Мне с кем сравнить тебя, не знаю я.
Быть может, с солнцем? С ним ты очень схожа.
Оно плывет, тепло и свет дая,
И ты тепло души не прячешь тоже.

И все ж тебе труднее, чем ему, —
Одно с рожденья у светила дело,
А ты с утра причастна ко всему —
Задумкам и заботам нет предела.

Вокруг тебя круговорот людской,
Желаний и волнений вереницы,
И ты, не замечая, день-деньской
Раздариваешь сердце по частицам.

У солнца сон заведомо хорош.
Ты и во сне, как наяву, живешь.

Когда ночная входит тишина
В провалы улиц и в уют квартиры
И тьма встает вплотную у окна,
Собой надежно охватив полмира,

Я вспоминаю все мгновенья дня.
Спокойно оценив пережитое,
Он одобряет за одно меня
И судит беспощадно за другое.

И радуюсь, что я один сейчас
Его словам прямым, как стрелы, внемлю,
А если б кто сумел подслушать нас,
Наверно провалился б я сквозь землю.

И сердце выбивает все слышней:
Поменьше бы тебе таких ночей.

Забыв святой обычай наших дней,
Собой ты суть людскую озадачил:
Мрачнееешь пред удачею моей
И светишься, узнав о неудаче.

Холодным словом душу теребя,
В глаза ты смотришь, не смутясь нимало.
Перевернулось сердце у тебя,
Иль доброта в нем навсегда пропала?

В домашний не ушел ли ты уют
От жарких дел и от живого слова?
Лишь собственный неутомимый труд
Нас учит понимать успех другого.

А кто душою не прирос к делам,
В завистники себя зачислил сам.

Старые, подобные преданьям,
Радуюсь теплу, со всех концов
Сходятся они, как на собрание,
В сквер среди белеющих домов.

Рассуждают, спор ведут азартно,
Словно ждут их трудные дела,
Словно им держать придется завтра
Жизни беспокойной удила.

Обо всем — им все как есть известно —
Судят с государственных вершин,
Хоть сажай в директорское кресло —
И не осрамится ни один.

Рядом с ними прохожу с улыбкой —
Старость их мне кажется ошибкой.

Удача — как наследница труда —
Нам добавляет мудрости частицу.
И счастьем лотерейным иногда
Она неожиданно может объявиться.

И человек, что был и мил и прост,
Считался и разумником порою,
Гляди, удачу, как павлиний хвост,
Несет, земли не чуя под собою.

Ему и невдомек, что в смене дней
Павлиньи краски на глазах людей
Теряют цвет и постепенно гаснут.

И вот уже качают головой
Ему вослед за много лет впервой...
Все в жизни происходит не напрасно.

Друзья смеются и не верят мне,
А я горжусь и утверждаю: прадед!
Губами ощущаю и во сне
Я правнучки каштановые пряди.

А наяву, в спокойных вечерах,
Я думаю, когда играю с нею:
Век двадцать первый пестую в руках
И, кажется, от радости хмелею.

Гляжу в ее веселые глаза,
Они искрятся голубым каскадом.
О, только б в них не хлынула гроза,
Что жгла нас и теперь таится рядом!

Каким же мир надежным должен быть,
Чтоб голубое тьмою не убить!

Он жить другим не может и не мог,
Его судьбу не назовешь простою:
Ни в дни удач, ни в дни больших тревог
Ни перед кем он не кривит душою.

А ты всю жизнь счастливый ловишь миг,
И чтоб его не проворонить где-то,
То, как вода, пронырлив, разнолик,
То — как трава под переменным ветром.

И может быть, в разгаре суеты
Тебя похвалят: «Он умелый, значит!»
А в неумелых будет тот, другой.

Не всякий видит, как увертлив ты,
Не всякий знает: за твоей удачи
И совесть поплатилась головой.

Припомните, писать какие письма
Умели люди — сердце билось в них.
Но над землею провода повисли,
По ним слова несутся, словно вихрь.

Печаль и радость днем и ночью темной,
Когда одним бывает трудно нам,
Мы доверяем трубке телефонной
И краткости летучих телеграмм.

Похоже, что на ветер их бросаем,
Своих не успевая чувств излить, —
Себя мы незаметно обедняем
И тех, кого не можем позабыть.

И я боюсь: всегда во всем спеша,
Сумеем ли сберечь тебя, душа?

Любовь и скромность быть хотят всегда,
Как сестры, в дружбу верящие свято,
И в самые зеленые года,
И в зрелые, когда мы седоваты.

Любовь не на виду, в душе растет,
Ее от взоров скромность укрывает.
И как в любви бывает счастлив тот,
Кто это никогда не забывает!

А ты идешь, любимую обняв,
К губам ее свои ты тянешь губы.
Мне больно слышать, но прохожий прав,
Вас осудив, хотя и слишком грубо.

Будь ты нежнее других в десятки раз,
Но нежность нам дана не на показ.

Подруги после долгих лет разлуки
Уселись на диване и молчат.
Альбом раскрыт, как для объятий руки,
Где молодыми на себя глядят.

Забыв, что время на дворе другое,
Поверилось им годам вопреки:
Коль незаметно пронеслось бывшее,
От юности не так уж далеки...

А разум несговорчивый сурово
Врывается в прельстительную ложь,
Неся с собой пугающее слово,
Которое не хочешь, да поймешь.

И говоря себе: какими были! —
В лицо друг дружке заглянуть не в силе.

Тебя опять сегодня дома нет.
Собрание. И я, ворча сердито,
Разогреваю наскоро обед
И ем, не ощущая аппетита.

Пришла. И словно продолжаешь спор.
(Его не в этой комнате начало.)
Потом и я вступаю в разговор
И понимаю: там ты не молчала.

И хмурости моей спадает гнет,
Твое в меня вселяется волнение,
И вместе с ним, я чувствую, растет
Тобою, беспокойной, восхищение.

И набегают мысль сама собой:
Я б не хотел, чтоб ты была иной.

Не вспыхни солнце — и не будет дня,
Деревьев зелень зеленью не станет
И радуга цветочного огня,
Как выражение чуда, не предстанет.

Не будет ночи — и не будет звезд,
Луна на небо не взойдет сторожко
И через речку, как дрожащий мост,
Мгновенно не протянется дорожка.

Тебя не будет — будет все не так.
Сиянье дня и тихий лунный мрак
Пройдут, меня не восхитив собою.

Когда же я на мир смотрю с тобой,
Такою он сверкает красотой,
Как будто ты во всем, что предо мною.

Как будто кто-то нашептал тебе,
Что у меня в душе опять смятенье,
Хоть моего лица в немой борьбе
Оно не изменило выраженья.

Но чувствуя, что это не пустяк,
Меня не отдаешь судьбе на милость:
Ко мне подходишь ты и так и сяк,
Узнать пытаешься, что же приключилось.

Наверно, между мною и тобой
Давно установилась связь такая,
Как между бурным Солнцем и Землей,
Где вспышка отзывается любая.

И, как Земле не по себе подчас,
С меня ты, мучась, не спускаешь глаз.

Бушует море. Пеною кипя,
Встают передо мной валы крутые.
Но кажется, что вижу лишь тебя,
Твои глаза, обидой налитые.

Она безбрежна, как морской простор,
Где небо и вода пришли в смятенье...
Кто знал, что предстоящий разговор
В себе таил опасное мгновенье.

Слова, слова... Какая сила в них!
В ином взрывчаткой каждый слог
нагружен, —
Сорвется с уст, такой поднимет вихрь,
Что сердце может вырваться наружу.

Гляжу на волны от тебя вдали
И мучаюсь, как в бурю корабли.

В. А. Рождественскому

Высоко, на канале Грибоедова,
Где в окна рвется воробьиный крик,
Есть комнатка, она давно мне ведома,
Построенная словно бы из книг.

За маленьким бюро, потертым годами,
Потягивая крепкий «Беломор»,
Сидит он не под комнатными сводами, —
Над ним России голубой простор.

Он слышит шум лесов, и рек журчание,
И эхо гор, и говорок предания,
И нашей нови мерный гул шагов.

И это, как душевное волнение,
Вливается в его стихотворения,
И нет поэту не подвластных слов.

Погасли окна за моим окном.
Последнюю курю я папиросу.
Минувший день, не отстраненный сном,
Встает передо мной немым вопросом.

Пытаюсь, позабыв про суету,
Увидеть в нем, свои дела итожа,
Хотя бы чуть заметную черту,
И я к которой был причастен тоже.

День говорит: «Едва ль найдешь ее,
В миллионах черт одну искать — забава;
Что совершить успели — все твое,
Но если ты сказать имеешь право:

«Я верною тебе опорой был,
Ни разу и душой не покривил».

На голой орлиной вершине Ай-Петри,
Где тянется траурных туч караван,
Рыдают, рыдают холодные ветры
Над братской могилой лихих партизан.

Гранитная стелла среди диких камней
Стоит над провалом, как в битве стоял
Любой из нашедших здесь успокоенье,
Учившийся твердости духа у скал.

А были до этого парни простые:
Пахали, ходили с гудком в мастерские,
Влюблялись, готовились батками стать.

Но век наш не знает большого покоя:
Ударил в сердца и открыл в них такое,
Что только бессмертием можно назвать.

Ночь проведя за письменным столом,
Над строчками, не терпящими фальши,
Я вдруг пойму в молчании неом,
Что сладить с ними я не в силах дальше.

Я выхожу из дома. Облака
В зарю вplyвают, становясь все краше.
Иду к заводу, он издадека
С утра мне дымом за окошком машет.

Ведет меня с собой поток людей.
Я снова словно в юности своей,
И кажется — спецовку вновь надену.

Душевных сил предвидя новый взлет,
Моя усталость отступление бьет
И стих зовет нести дневную смену.

РИЖСКИЕ МОТИВЫ

«ТРИ БРАТА»

Три дома называются «Три брата» —
Средневековья хрупкое звено,
Они на нас глядят подслеповато:
Считали щель в то время за окно.

Они стоят, друг друга подпирая,
От наших треволнений далеки.
Хозяйские достатки прославляя,
Высокие возносят чердаки.

Там словно и теперь не счесть товара.
А ниже, мне сдается, как тогда,
Глаза ткачей слезятся от угара
Дешевых свеч и долгого труда.

За свет в окне налог исправно брали,
Как будто власти солнце зажигали.

ОРГАННЫЙ КОНЦЕРТ В ДОМСКОМ СОБОРЕ

Органа трубы в блеске серебристом
Подобно стрелам рвутся к небесам,
Но все его сто двадцать семь регистров
Хвалу возносят людям, не богам.

Как будто человек, с судьбою споря,
Собора мрачного раздвинув свод,
Мелодии, широкой, словно море,
Себя самозабвенно отдает.

Он был, казалось мне, в полете смелом
И, полный силы, вдохновенно пел:
Что свершено, не называй пределом,
И что свершим — все будет не предел.

И верилось, что каменные боги
Ему готовы были рухнуть в ноги.

В САЛАСПИЛСЕ

Проходят годы. Горю нет конца. . .
Звук метронома в души рвется властно,
Как будто здесь умолкшие сердца
Вдруг ожили в биении согласном.

И вставшие над лагерной землей
Терпенья и бесстрашья изваянья,
Живою окрапленные водой,
С себя стряхнули мертвое молчанье.

Дня солнечного беспокойя лик,
Они суровой каменной колонной,
Места свои покинув в этот миг,
Шагают по планете непреклонно,

Чтобы народам не пришлось опять
Такие изваянья воздвигать.

ПАМЯТНИК КРАСНЫМ ЛАТЫШСКИМ СТРЕЛКАМ

В шинелях три стрелка на пьедестале.
Солдатская в них зоркость и порыв,
Они спиной друг к другу тесно встали,
Собою Революцию прикрыв.

Давно в былом октябрьских бурь раскаты.
Но может снова прозвучать набат.
И кажется, гранитные солдаты
С врагов бессонный не спускают взгляд.

Пред ними Рига в одеянье пестром,
И Даугавы росчерк голубой,
И люди, с неsgiбаемым упорством
Ведущие пока не смертный бой.

Стоят солдаты, крепко сжав винтовки.
Октябрь в пути не знает остановки.

У МОГИЛЫ РАЙНИСА

Сон отлетел с ночною тенью в паре.
Отбросив одеяло, полный сил,
Навстречу солнцу потянулся парень —
И в камне розовеющем застыл,

Чтоб не печаль в кладбищенском безмолвье
Над Райниса могилую плыла,
А утренний порыв к счастливой нови, —
Такой его поэзия была.

Замолкло сердце, но не стынут страсти,
И это извятие живит:
Цветы на нем не вянут и в ненастье,
Как будто согревает их гранит.

И люди постигают, рядом стоя,
Величие борьбы, а не покоя.

ПРИБРЕЖНЫЕ СОСНЫ

Стеной защитной на песках наносных
Стоят в переплетенье, как кусты,
От моря отшатнувшиеся сосны,
Не знающие счастья высоты.

Ветра, бросая сумрачные звуки,
Стремят на берег пенные валы,
Выкручивают ветви, словно руки,
Обстреливают брызгами стволы.

Невдалеке, в прозрачно-синей стыни,
Едва качая кронами густыми,
Вросли другие сосны в небеса.

Они с высот взирают с превосходством,
Как будто не оплачена уродством
Сестер их стреловидная краса.

ВОЛНЫ

Смотрю на Рижский вспененный залив.
Ко мне волна стремится за волною

Размеренной, неспешной чередою,
В себе цветенье неба отразив.

Им нет конца — предвестникам тревог.
А ветер все крепчает и крепчает,
И каждый вал, под крики жадных чаек,
Бесследно растекается у ног.

Так набегают годы на меня,
Еще в моей душе огонь храня.
Какой-то год окажется последним.

И горько думать, если хоть один
В цепочке мне отмеренных годин,
Волне подобно, прошумит бесследно.

ВЫШНЕВОЛОЦКАЯ ХРОНИКА

ВСТУПЛЕНИЕ

Судьбы городов с людскими схожи:
Этот в славы облачен наряд,
Рядом, зачастую в бездорожье,
Городки негромкие стоят.

Может показаться: незаметно
В их домишках счет ведут годам,
Слышно только, как порывы ветра
С шорохом гуляют по садам.

Словно бы в одних лишь знаменитых
Городах, где шум и толчея,
И проходит главная орбита
Нашего с тобою бытия.

А она, чтобы назваться главной
И такой остаться на века,
Даже неувенчанного лавром
Обойти не может городка.

И хранит она в своих анналах
Истину достойнее других:
Городам большим не быть без малых,
Людям знаменитым — без простых.

НА ВЕЛИКОМ ВОЛОКЕ

1

Может быть, вот так все это было...
Зорька только-только тьму разбила.
На неслышной Цне сквозь холод колкий
Рябь сверкнула, как стекла осколки.
В лодке, над увязанной поклажей,
Вырос бородач с плечами в сажень.
«Эй, братья! Негоже дрыхнуть долго!
Нам пора к Тверце, а там — на Волгу.
Поснедаем, да и с богом дале,
Чтобы люди нас не увидали,
Иль на век посмешищем мы станем,
Как увидят: лодки полем тянем».
Две соседних лодки накренились,
Двое мужиков на свет явились.
И один сказал, хлебнув водицы:
«Пусть смеются, только б нам пробиться».

2

Запал мужицкий крут,
А вот шаги неходки.
Как три сома, ползут
Травую росной лодки.

И в каждой мех бобра
И лисий мех добротный,
Льняного серебра
Тяжелые полотна.
Горит всю зарю,
Сверкают капли пота,
Как сгустки янтаря,
И падают без счета.
Ни слова на пути,
Лишь тяжкое дыханье
И мысль: «Идти, идти!» —
Подобна заклинанью.
В плечах — как сто огней,
А на руках мозоли,
И все трудней, трудней
Шагать к дешевой соли.
Без соли не прожить —
Хвороба зубы сглохнет,
Но, чтобы соль добыть,
Сам просолиться должен.
Шагают, пот лия,
Уставясь в землю взглядом.
Влачится колея
С двумя другими рядом.
Так, кажется б, и лег
На этом росном поле.
Еще им невдомек,
Что соль пути не в соли.

3

Огнем оранжевым заката
Сверкнула сквозь листву Тверца.

И вот стоят пред ней три брата,
В них словно замерли сердца.

И, как бы даль речную мера,
Быть может, думали одно:
«А я и верил и не верил,
Что до тебя дойти дано».

«Чего стоять? Спускайте лодки!» —
Задорно крикнул старший брат.
И вот, как утицы-залетки,
В Тверце качнулись лодки в лад.

Кипит похлебка, рвутся искры
С веселым треском в небосклон,
И сон подходит близко-близко,
Троих пытаюсь взять в полон.

Когда бы знать им, евшим наспех,
Что день минувший — не простой:
Связал он Балтику и Каспий
Безводной дерзкою тропой.

Что скоро, даже очень скоро
С неспешной Цны, с глухой Тверцы,
Многоязычный сыпля говор,
С поклажей двинутся купцы.

И жаль, что в летописях пыльных,
Где больше спор мечей в строках,
Ни слова нет об этих сильных,
Уже храпящих мужиках.

Над Русью удельною вороны кличут.
Открыто и тайно друг другу грозя,
Богатства мечтая свои увеличить,
Походы, походы готовят князья.

На волок — торговых путей перекресток —
Смотрели и думали: дай только бог
Урвать бы пораньше других эти версты,
И Новгород данником ляжет у ног.

И взяли. Но торгом прославленный город
Обозы враждебной не слал стороне,
Хоть к каждому дому приблизился голод,
Как Волхова струи — к кремлевской стене.

Кольчугу надев, он прошел сквозь чашобы,
Мечами сверкнул здесь под пение стрел,
Чтоб Тверь перед ним не кичилась и чтобы
Владими́ро-суздальский князь присмирел,

Чтоб гость новгородский в свой парус крылатый
Четыре стремительных ветра ловил,
Чтоб город, на всякий барыш тороватый,
На реках и суше хозяином был.

Тревога в Твери и в соседних уделах...
И словно от искр зазвеневших мечей,
Над волоком небо ночное зардело,
И рушились кровли и судьбы людей.

А время другое вело наступленье,
Крутая его направляла рука:
Москва собирала к княженью княженье,
Чтоб стала единою Русь на века.

Она оружейников ставила к горнам,
Дружины скликала к подворьям своим.
А Новгород был для нее непокорный,
Как будто глаза раздирающий дым.

И вот застучали на север подковы.
Шли воины там, где коням не пройти,
Пылало над волоком зарево снова,
Московским дружинам светя на пути...

София склонилась главой золотою.
Детинец глядел амбразур пустотой.
И взвился над красной кремлевской стеною
Руси укреплявшейся стяг боевой.

Не ратные кличи, а крик перепелки
Летел над полями под звон колосков.
И снова от Цны до Тверцы и до Волги
Тянулись ладьи расписные купцов.

5

Крепко подвели Петра голландцы:
Вырыли канал, а дело швах —
Баржам с хлебом с Волги не пробраться,
Голодно на невских берегах.

Но Россия не была б Россией,
Если б объявиться в ней не мог
Человек, способный то осилить,
Что чужим умельцам невдомек.

Он пришел сюда с верховьев Волги —
Сердюков Михайло, из крестьян.
По его придумкам смыли волны
На пути проложенном изъям.

И поплыли днями и ночами
Баржи на бурлацком поводке,
Как призы из боя, их встречали
В Петербурге — новом городке.

И от Петропавловской твердыни
Царь послал с указом верховых:
«Сердюков Михайло, ты отныне
Водный путь держи в руках своих».

Бурлаки шагали лапоть в лапоть,
Пот сбегал с худых мужицких щек,
И смотрел с усмешкою на запад
Над каналом Вышний Волочек.

ПЕРВОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

Вот оно свои качает воды,
Полные небесной синевой,
И озера — сыновья природы —
Широте завидуют его.
Я стою на берегу лесистом.
Дальний берег словно бы в дыму.
И играет ветер голосисто —
Сосны служат струнами ему.
Времени слепому непокорный,
Дом стоит, белея меж стволов.
Здесь об этом море рукотворном
Размышлял ночами Сердюков:
«Хоть проходят баржи по каналам,
Только баржи что ни год — грузней,
Скоро вновь воды им будет мало...
Выхода другого нет верней.
А уразумит ли дело это
Звездами одаренный Сенат?
Он все так же, как в былые лета,
Недогадлив, дюже скуповат».
Но однажды прозвенела тройка,
Вышел Петр, воскликнув:
«Вот где рай!
Ну, Михайло, погреба открой-ка,
Гостя хошь не хошь, а принимай».
За столом, уже поближе к ночи,

Царь спросил вдруг, трубкою дымя:
«Чем-то ты, строитель, озабочен,
Видно, снова дело до меня?»
Выслушав задумку Сердюкова,
Выпил рюмку, встал во весь свой рост:
«Молодец! Утрем Европе снова
Этой небывалой штукой нос!»
А наутро в поле, в перелески,
По местам, где, как пора придет,
Заиграют волны в переплеске
И застынет шлюз над синью вод,
В знак того, что это будет, будет,
Петр, от полноты рабочих чувств,
Посадил в тот день на память людям
Барбариса жизнелюбый куст.
Он цветет у дома и поныне,
Влажноватым воздухом дыша,
И гуляет в неоглядной сини
Сердюкова смелая душа.

НА РАССВЕТЕ

Он в Вышний Волочек влетел на тройке
И удивился: пуст почтовый двор,
Хотя заря сквозь пелену тумана
Едва лишь обозначила восход.
А мимо окон — люди, люди, люди,
Кто нес мешок, кто ящик на спине,
Иные были празднично одеты,
И все спешили в сторону одну.
Спросил Радищев:
«Что-то приключилось?»
Хозяин улыбнулся:
«Так всегда, —
Когда уходят баржи к Петербургу,
Все на Тверецкий тянутся канал.
Вы слышите? Грохочут барабаны,
Они зовут купцов и прочий люд
Дела незавершенные уладить.
Вот-вот сигнальный будет поднят флаг».
Радищев, не дослушав, хлопнул дверью
И поспешил на барабанный бой,
Совсем забыв, как он мечтал о чае,
Вдали завидев Вышний Волочек.

Канал Тверецкий голубою ниткой
Теряется в восходе золотом,
На ней, подобно бусинам граненым,
Застыли баржи, выстроившись в ряд.

По берегам и толчея, и гомон,
И цоканье и ржание коней.
С поклажею отчаливают лодки,
И к баржам устремляются гребцы.
А там призывно машут:
«Поскорее!»
Как всплески весел, вспыхивает смех.
И кажется Радищеву: на праздник
Он угодил. И гордостью полна
Его душа: искусные каналы
(Хвала труду людскому и уму!)
Связали воедино Юг и Север,
И рукотворным стал речной поток.
Подхватит он нагруженные баржи
И понесет в далекий Петербург
Плоды земли. О, как ты изобильна,
Земля, в необозримости своей!
Но радость, налетевшая мгновенно,
Отхлынула: отчаянье, и скорбь,
И слезы, и проклятье — в каждом злаке,
Взращенном тем, чей пуст всегда живот.
А господин, жиреющий в довольстве,
Скупает деревеньки, чтоб еще
Богаче стать. Презренный кровопивец,
Достоин ты удара топора!

И вдруг сигнальный флаг взметнулся в небо.
Шлюз распахнулся. Зашумел народ,
По-разному восторг свой выражая,
И баржи к цнинской двинулись волне.
И на одной из них запели песню, —
Душевная в ней боль переплелась
С необоримой удалью и силой,

И берег эту песню подхватил.
Радищев слушал, и светлело в сердце:
«Уныния не знающий народ,
Наступит время, разочтется с татем,
Не будет бесконечно шею гнуть».

ПОСЛЕДНЯЯ БАРЖА

Последняя баржа плыла по задумчивой Цне,
Гася облаков вереницу на тихой волне.
И люди, умело ее направлявшие к цели,
Не сыпали шуток и песен привычных не пели.
Дойдет эта баржа до плеска широкой Невы —
Расчет получай, а потом хоть умри, хоть живи.
И так уж до ручки плавучая жизнь доконала,
А тут еще стихли Тверецкий и Цнинский каналы...
Из марева вышел, как времени нового пост,
Повисший над речкой сплетеньем причудливый
мост.

И вот уже поезд, к мосту устремившись, грохочет,
Как будто над ними железною глоткой хохочет:
«Когда еще к месту пригоните вы свой товар!
Теперь не вода — над движением властвует пар!»
И люди смотрели, как мчались над речкой вагоны,
А всплески волны были словно душевные стоны.
От баржи, кружась, уходили назад берега,
И долго вослед им глядели деревни, стога,
Сосновые рощи, презревшие старость дубровы,
Что помнят шаги и крутые приказы Петровы,
А справа, все выше, над зарослью чахлах кустов,
В багровом обличье вставали ряды корпусов.
Их сумрачный гул не стихая летел над землею —
То говор станков, управлявших рабочей судьбою.
Челнок между нитей, свершая мгновенный полет,
Хозяину прибыль бросает на банковский счет...

Цураясь машин, нёвдомек было впавшим
в кручину,
Что движется баржа — и пухнет бумажник
купчины.

Но чуяли сердцем, фабричной плывя стороной:
Туда им дорога и нету дороги другой,
Не знали они, устремляясь в речное раздолье,
Что в шумных цехах им бороться за лучшую долю.

ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК

Поступились истиной едва ли,
Что тебя, хоть здесь царила глушь,
Русскою Венецией прозвали,
Петербургом маленьким к тому ж.

В заревых трепещущих кораллах,
Отдыхая от былых трудов,
Не спеша течет вода в каналах,
Отраженья нянчая домов.

И кварталов тянутся квадраты,
Стреловидность улиц — их причал,
Кажется, как Петербург когда-то,
И тебя Трезини начертал.

Но парадность молодой столицы
Отблеском не пала на тебя,
Не могла она сюда пробиться, —
У тебя другой была судьба.

Ты со всей бескрайнею Россией
Выводил на мировой простор
Петербург с его начальных пор,
Словно баржу — бурлаки босые.

МОСТ

Гранитные плиты моста
На Цнинском петровском канале
Магнитом к себе неспроста
Надолго меня приковали.

Прорезан гранит бечевой,
Как будто железом иссечен,
А кажется, что предо мной
Бурлацкие плечи.

РАБОЧЕЕ СЛОВО

В майские дни в Вышнем Волочке бастовали 8 тысяч рабочих.

Объявления о расчете срывались или заклеивались майскими листовками.

«Искра», 1903, 1 сентября.

1

Двадцатого столетья третий год.
В права вступает Первомая утро.
Каналам дарит огненный восход
И золото и блески перламутра.

Давно гудков пропел тяжелый бас.
А город все еще как будто дремлет.
Прислушайся — и различишь сейчас,
Как лопаются почки на деревьях.

Но нет, не спит уже рабочий люд.
И вот в воскресной неказистой справе
И к Прохоровской фабрике идут,
И к фабрике, где Рябушинский правит.

Все торопливей хлопанье дверей.
И улицы тесней, похоже, стали.
Людей ведут правдивостью своей
Листовки, что вчера в цехах читали.

Сердца настороженные кипят,
И мужество кладет печать на лица.
Еще до смерти затолкали в ад,
Чего же остается нам страшиться?

Людская жизнь дешевле, чем пятак,
А милости не видится господней.
И если не иначе, только так —
Молчать станкам. Нам говорить сегодня.

2

У Прохоровской фабрики народ
О жизни шумно разговор ведет.
Не счесть обид, скопившихся в народе.
И в жадный зев распахнутых ворот
Никто не входит.

И кажется: за их черту зайди,
И корпуса, что молкнут впереди,
Станками, как зубами, загрохочут,
И снова ты почувствуешь в груди:
Рвут сердце в клочья.

Прислужники хозяйские кругом
Грозят расчетом и штрафным рублем.
Но голоса в ответ: «Давайте главных!»
Мол, толковать хотим мы обо всем
Теперь на равных.

За спинами, сквозь шум, раздался вдруг
Какой-то непонятный людям звук,
Подобный грома дальнего раскатам.
И вот глухой винтовок перестук —
Пришли солдаты.

Под кучерский иерихонский крик
Катил в людское море напрямик
Стоящий в вицмундире губернатор.

Себя он, видно, чувствовал в тот миг
Как триумфатор.

С него в молчанье не сводили глаз.
«Снять шапки! Эй вы, слышите приказ?» —
Воскликнул кто-то из хозяйских шавок.
Но люди, как один, на этот раз
Не сняли шапок.

И губернатор, ярость затая,
Маячил, как словесная струя.
Он речь свою закончил так: «Учтите,
Что прежде чем вас буду слушать я —
К станкам идите».

Перед солдатской каменной стеной
С начальством спорить — рисковать судьбой,
В винтовках неспроста таятся пули.
И вот, оставив слово за собой,
К домам шагнули.

3

Народ наутро снова у ворот,
Но уж ворота на стальной застёжке,
И тут же объявление: «Всем расчет».
Придете, мол, и упадете в ножки.

И многие задумались: как быть?
Работы нет, и, значит, хлеба нету.
И кое-кто готов был, чтобы жить,
Гнуть спину и за жалкую монету.

Раздался голос: «Не уступим им!
Мы что ж — не люди? Посудите, братцы. . .
Последнюю рубашку продадим,
Но надо нам держаться и держаться!»

Сердца тревогой мучила беда,
А разум все смелей смирял тревогу,
Так бьет неотвратимая вода
Огонь, переграждающий дорогу,

И словно говоря: «В нас хватит сил!» —
Усатый ткач в распахнутой спецовке
Хозяйское решение залепил
Листовкой, призывавшей к забастовке.

ЧИТАЯ СТАРЫЕ ГАЗЕТЫ

Я читаю старые газеты.
Им побольше чем полсотни лет,
И слова, как дней далеких меты,
Входят в сердце, излучая свет.
Сколько в них раскованности, страсти,
Революционного огня,
Словно распахнулись души настежь
В ожиданье солнечного дня.
Их писали не бурливый Питер,
Не Москва в бессонности годов,
Смело разрывающая нити
С прошлым после смольнинских костров.
Их писал, ведя с бесхлебьем битвы
И дошедший до провалов щек,
Слушавший фронты, а не молитвы,
Захолустный Вышний Волочек.
Он писал их по веленью сердца,
Потому и вечен жар в словах,
Хоть порою и не мог согреться
В занесенных вьюгою домах.
Он писал и верил: снова волны
Забушуют ситцевой реки,
Хоть гудок фабричный стыл безмолвно
И забыли бег свой челноки.
Он писал, враги зверели рядом
От звенящих, словно пули, строк:

«Создавай рабочие отряды
И бери винтовку иль клинок!»
И, родные покидая стены,
Поднимались, не склонив голов,
На врагов, готовивших измены,
На врагов, что шли со всех концов...
Почему ж он захолустный город?
Это слово я беру назад.
Он крепил над миром серп и молот
Так же, как Москва и Петроград.

4 ИЮЛЯ 1920 ГОДА

Июль, двадцатый год. Гражданская война
Идет к концу. Уже разбит Деникин
И смят Колчак. Разорван в клочья план
На крови богатеющей Антанты,
В зародыше мечтавшей удушить
Блокадою, войной и голодухой
Республику Советов.

Дотемна
Россия славит трудную победу
Везде, где люди верили в нее.
В сплошной Россия превратилась митинг.

И в Вышнем Волочке со всех сторон
Шагают к площади Сенной колонны,
Как сквозь шумящий на ветру кумач,
Где серп и молот со звездой лучистой
Горят сильнее солнца. В свете их
Провидят закаленными сердцами
Идущие в колоннах новый мир,
Который предстоит еще построить.
Поют оркестры звонко: «Быть ему!»
«Он будет!» — дружно возвещают песни.
И по каналам в голубую даль
Несется эхо, словно клятвы отзыв.

Над площадью — громовое «ура»
И возгласы: «Да здравствует наш Ленин!»

А он с доверьем смотрит на людей
С гранитного квадрата пьедестала.
И вспоминалось, как в суровый год
Отправили в Москву своих посланцев,
Когда на складах не было уже
Ни хлеба, ни спасительной картошки.
На Ильича надежда вся была.
И он помог.

Рассказывали после, —
С какую болью слушал он в Кремле
Слова посланцев города каналов,
Старейших на Руси мануфактур.
Внимавшие взволнованным рассказам,
Упорно глядя на руки свои,
Задумывались: «Нешто не сумеем
Хоть цех пустить, чтобы наткать бинтов,
В которых, Ленин говорит, нехватка?»
И осенью минувшей забасил
Гудок, ткачей сзывая на работу,
Провозглашал заклтым он врагам
Погибель, а трудящимся — победу.
Тогда-то и запала в души мысль
Воздвигнуть в центре города скульптуру
Того, кто смог Россию повернуть
Лицом к свободе и большому счастью.
«У нас забот по горло. У него
Заботы всех нас, — говорил рабочий, —
И в каждый город заглянуть ему,
Хоть проживи две жизни, не удастся.
А хочется, чтоб в нашем городке
Он был всегда, чтобы любой, как с другом,
Мог с ним потолковать наедине,
Когда придется трудно в жизни...»

И вот ликует Вышний Волочек.
А провода, гудя, в Москву уносят
Приветствие великому вождю,
Готовность все свершить, что он наметил.

ВЕЧЕРОМ

Мы сидели за столом садовым,
А над нами, шелестя листвою,
Яблоки с дыханием медовым
Ветерок качал вечеровой.
О делах житейских говорили.
Но о чем бы наша речь ни шла,
В сторону невольно уводили
Нас его фабричные дела.
Мерил все нестареньким аршином,
И казалось, он из года в год
Ниточкам, что вьются на машинах,
Сердцем своим крепость придает.
Облака тянулись, как пожары,
Двух гитар донесся перезвон.
«Слышишь? .. Не гитары, не гитары!» —
И меня призвал к молчанью он.
Словно шум далекий водопада
Долетел и до моих ушей.
«Уловил? Такое слышать надо.
Это голос фабрики... моей.
Даже днем, не то что в тихий вечер,
Смолкни на минуту этот звук,
Что б ни делал, сразу я замечу,
Как часов замолкший перестук.
Помнится: с гражданской войною
Счет отцы свели в конце концов.

Мы, мальчишки, бегали толпою
Слушать возрожденный гул станков.
Что ребята, взрослые ходили!» —
И душевно улыбнулся мне.

Давние волнующие были,
Вы бесменно служите стране.

КРАСНЫЕ ПЛАТОЧКИ

Снова сердце вдруг запело.
Предо мною вы сейчас —
Делегатки женотдела,
Вездесущий острый глаз.

Ваши красные платочки
В те далекие года
Документом правомочным
Были всюду и всегда.

Вы с любовью их носили,
И казалось мне порой:
Образ ленинской России
Видел я перед собой.

Вы тверды и смелы были,
Каждый день вперед рвались,
Чтоб не жить, как прежде жили,
Чтоб на вас равнялась жизнь.

До всего вам было дело,
Там, где вы, — всему толчок,
Вашей славою звенело
Имя — Вышний Волочек.

Пусть напомнят эти строчки
Вам, ушедшим на покой,
Кумачовые платочки,
Гул собраний боевой.

БАЛЛАДА О 144-м СТРЕЛКОВОМ ВЫШНЕВОЛОЦКОМ ПОЛКЕ

Вблизи Домачева, где грохот не молк,
Сто сорок четвертый сражался полк
В июньскую ночь сорок первого года,
Упавшую бомбой на плечи народа.
А рядом, как неодолимая сила,
В бессмертие Брестская крепость входила.

На полк наступали фашистов полки.
Смертельным огнем их встречали стрелки.
А черные танки со знаком зловещим
Сжимали, сжимали погибели клещи.
Но путь им коварный давался непросто —
Взрывались, горели, подобно бересте.

И все ж устоять уже не было сил.
Теряя товарищей, полк отходил
К селу Малорите. И дальше по тропам
В ночи пробирался по Пинским болотам.
Казалось, что вышли из окруженья,
Но враг был повсюду, и снова — сраженье.

Сказал комиссар знаменосцу: «Сейчас
Придется труднее нам в тысячу раз, —
Момент роковой наступает, похоже.
Мы можем погибнуть, а зная не может:

Без знамени нет нам помина и чести,
Пути нет ни к матери и ни к невесте.

Запомни: от Вышнего Волочка
Ведет свою летопись знамя полка.
Рабочие руки его вышивали
С любовью, чтоб страха в бою мы не знали,
Чтоб враг не коснулся его ненавистный,
Какая б над нами судьба ни нависла».

В сражениях след затерялся полка. . .

Война отгремела. Война далека.
Старик садовод из деревни Замшаны
По лесу шагал, как в былом партизаны,
Увидел остатки сгоревшей избышки
И яблоньки рядом в зеленой опушке.

И радостный вспыхнул в глазах огонек:
«Разбойный пожар их коснуться не смог!
С людскою они разминулись судьбою.
Одну унесу я сегодня с собою».
И землю копать осторожно он начал.
Земля заупрямилась. Что это значит?

Находку свою развернул садовод,
И самый тяжелый припомнился год.
Он знамя держал. А на шелковом лоске:
«Сто сорок четвертый Вышневолоцкий».
И вдруг показалось: молчаньем объаты,
С ним рядом погибшие встали солдаты.

И, сам опаленный проклятой войной,
Он слышал, идя по дороге лесной:
За ним полковая громада шагает
Туда, где развалины слава венчает.
Так знамя пришло на священное место —
В музей героической крепости Бреста.

ПАМЯТНИК ОЛЕГУ МАТВЕЕВУ В ПОЛЬЩЕ

На площади в городе Пиле,
Где ветер по-польски поет,
Стоит обелиск на могиле,
Гранитный держа самолет.

В далеком от родины месте
Нашел свой последний привал
Мой вышневолоцкий ровесник,
Сжимавший до смерти штурвал.

Когда же из плена поляки
Спасали свой город родной,
Он в небе бросался в атаки,
Друзей прикрывая собой.

Подбитый, он страха не слушал, —
На черные танки врага
Свою он машину обрушил,
И пламени взмыла пурга.

С тех пор, вспоминая победы
На трудном пути боевом,
Внучатам бывалые деды
Рассказывают о нем.

И кажется часто ребятам:
Гранитный его самолет,
Ветрами и солнцем объятый,
Вот-вот на глазах оживет.

И если над отческим кровом
Опять загрохочет зенит,
В тревожное небо он снова
С отвагою прежней взлетит.

ПРИХОДИТ СОЛДАТ К ПРОХОДНОЙ

Война не бросает меня.
И чтобы ее пересилить,
Мне видится: в яркости дня,
Военную смерть отстраня,
Гаганов идет по России.

Вокруг все знакомо ему
И словно бы все незнакомо:
Он землю оставил в дыму,
В огне, разрывающем тьму,
Где не было целого дома.

Теперь на земле благодать.
И он, не жалеючи пота,
Готов поработать опять.
Кто славно умел воевать,
Тот славно умеет работать.

Но вот и родное село.
Сидят на завалинке двое.
Какое их дело свело?
Вдруг словно его обожгло,
Он сразу лишился покоя:

«Гаганова Валя — слышал? —
Героя Труда заслужила.

Когда бы Иван это знал!
Отцовский у Вали запал,
А он был в работе двужильный».

Иван позабыл про кiset,
Шаги замедляя в волнение.
И тут он услышал ответ:
«Не сила решает, сосед,
Сегодня — душа и уменье.

Душа — чтоб подняться ты смог
Над мелким житейским расчетом,
Уменье — чтоб людям помог
Шагнуть через трудный порог,
Не требуя вовсе почета».

Дошло до солдатских ушей:
Живет в Волочке Валентина,
И служит, как хочется ей,
Гудя от больших скоростей,
Творящая пряжу машина.

«Ну, дочка, теперь ты держись!»
И, глядя в родимые дали,
Он думал: «За эту мы жизнь,
Не ведая страха, дрались
И, веря в нее, погибали».

Свой дом не спеша обошел.
Минувшее хлынуло в душу,
Как волны морские на мол.
Присел за садовый он стол
И долго минувшее слушал.

И с ним он отправился в путь
Душистым лесным узорочьем,
Чтоб путь сократить хоть чуть-чуть,
На дочку скорее взглянуть,
На звездочку славы рабочей. . .

Казаться мне стало порой:
Лишь вспыхнут закатные своды,
Приходит солдат к проходной
И, с дочкой шагая домой,
Глаза от нее не отводит.

В ТАЛЛИНСКОМ ПОРТУ

Море яростно бухает.
Луч маячный простерт.
«Александра Артюхина»
Входит в Таллинский порт.

Говорю я с волнением:
Здравствуй! — словно живой. —
Волочанка рождением,
Большевичка душой.

Много бурь тобой пройдено,
Только знаешь сама:
Громыхали над родиной
И покрепче шторма.

Ты сама поднимала их
В закоптелых цехах
Силой знамени алого,
Силой правды в словах.

Делу Ленина верные,
Вы не слабли душой
За решеткой тюремною,
В ссылке самой глухой.

Знали: поздно ли, рано ли
Слиться штормам в один.

Революция грянула,
Русь потряхнув до глубин.

В буре, бьющей таранами,
Воли чувствуя вкус,
Были вы капитанами,
Пролагавшими курс.

Но не к тихонькой гавани
Вы корабль свой вели.
Разве, двинувшись в плаванье,
Ждут покой корабли?

Были бурям вы равные,
Вы не знали преград.
Имена ваши славные
Пароходы хранят.

Вы наследников учите
Курсом рваться прямым,
С бурей встретясь кипучею
Иль со штормом земным.

Море яростно бухает.
Луч маячный простерт.
«Александра Артюхина»
Входит в Таллинский порт.

РУКОТВОРНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Говорили: в творческом горенье,
День когда уже совсем угас,
Бог руки единым мановеньем
Мириады звезд зажег для нас.

И они в ночи повисли аркой.
Думаю, что бог промашку дал:
Нам от звезд ни холодно ни жарко, —
Слишком высоко он их загнал.

Но по ним гадатель хитроокий,
С напускною мудростью, не раз
Предрекал наивным счастья сроки,
Только звездам было не до нас.

Богу в поучение — не в бездне,
Залитой несокрушимой тьмой, —
Над Кремлем мы вознесли созвездье,
А горит оно над всей землей.

В Вышнем Волочке мне говорили
С гордостью за свой рабочий край,
Как стекло здесь звездное варили
Мастера завода «Красный Май».

И в его багровое свечение
Вплавили стихией огневой
То, что миру придает движение
К высшей справедливости людской.

То, что сквозь границы и запреты,
Распрямляя души, входит в жизнь.
Вот уж и в других концах планеты
Звезды рукотворные зажглись.

Вышний Волочек, твои каналы
Столько в сердце пробудили сил!
Словно по истории анналам,
Я вдоль них задумчиво бродил.

Ты не шумный, но не захоластный,
Скромный, как повсюду и во всем
Человек с душой исконно русской
И с пытливым истари умом.

Русь, Россия, а теперь Советы
На твоём оставили челе
Временем хранимые приметы,
Чтоб стоял ты твердо на земле.

Путь твой был неизмеримо долог,
А размаха не дали века.
Мал, конечно, золотник, но дорог —
Вес не полон без золотника.

Если б годы нас не относили
В край, где не сияет синева,
Я б о каждом городке России
Написал достойные слова.

Вышний Волочек — Ленинград.
1972—1977

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАНИ

«Скрылась юность и молодость тоже...»	7
У обелиска	8
На мосту	9
«С усталостью ведем мы вечный спор...»	11
«Из полусонной темноты...»	12
«Я слышать не могу...»	13
«Жизнь порою такое подбросит...»	15
«Будь в жизни осторожным...»	16
«Все сокрушает время?...»	17
«В заснеженном поле широко...»	18
«Черемуху ветер качает и рвет...»	20
«Ты руки опустил...»	21
«На свете, ты знаешь, дорог не сочтешь...»	22
Секвойя	23
«Говорят, кто жизнь достойно прожил...»	25
Весенняя картинка	26
Жаворонок	28
Расцвела черемуха	29
Март	30
«Яркими осколками зари...»	32
Дворник	33
«Лета, что ли, жаркого примета...»	34
«Очень просто того обмануть...»	36

«Она и он, прильнув друг к другу...»	37
«Кто слишком тих под старость, кто шумлив...»	38

Стихи о матери

1. «Двадцатый год. В квартире голод...»	39
2. «Жизнь щадить и не думала нас...»	40
3. «Дочь погибла. Два сына твоих...»	41
4. «Каждый вечер, тебя вспоминая...»	41
5. «Из краев возвращаюсь чужих...»	42
6. «Жизнь иногда не строит нам помехи...»	43
7. «В меховой телогрейке она...»	43

В твоём краю

Родное	45
«В конце деревни, под листвою ракит...»	45
Гроза	47
Русская печь	48
По дороге на сенокос	49
«Космата, как дикая Бара...»	50
Голубые кони	51
«„Выйду ль я на реченьку“ — поется...»	52
Ночью	54

СОНЕТЫ

«Я долго шел к нему. А он следил...»	57
«Ночь наплыла, как темная вода...»	58
«Мне говорят: похож я на отца...»	59
«Как небо над твоею головой...»	60
«С тобою шли мы рядом столько лет!...»	61
«Полет часов неумолимо смел...»	62
«Сплошную тьмой тянулись на восток...»	63
«Есть в сердце уголок, где мы храним...»	64
«Сентябрь уже вступил в свои права...»	65
«За кирпичной больничной стеною...»	66

«Какие бы ни гнули неудачи...»	67
«В минувшее гляжу опять, опять...»	68
«Над речкою, под кущею берез...»	69
«Еще не затянула солнце хмарь...»	70
«Снежинками на черном небе звезды...»	71
«Мне с кем сравнить тебя, не знаю я...»	72
«Когда ночная входит тишина...»	73
«Забыв святой обычай наших дней...»	74
«Старые, подобные преданьям...»	75
«Удача — как наследница труда...»	76
«Друзья смеются и не верят мне...»	77
«Он жить другим не может и не мог...»	78
«Припомните, писать какие письма...»	79
«Любовь и скромность быть хотят всегда...»	80
«Подруги после долгих лет разлуки...»	81
«Тебя опять сегодня дома нет...»	82
«Не вспыхни солнце — и не будет дня...»	83
«Как будто кто-то нащелтал тебе...»	84
«Бушует море. Пеною кипя...»	85
«Высоко на канале Грибоедова...»	86
«Погасли окна за моим окном...»	87
«На голой орлиной вершине Ай-Петри...»	88
«Ночь проведя за письменным столом...»	89

Рижские мотивы

«Три брата»	90
Органый концерт в Домском соборе	90
В Саласпилсе	91
Памятник красным латышским стрелкам	92
У могилы Райниса	92
Прибрежные сосны	93
Волны	93

ВЫШНЕВОЛОЦКАЯ ХРОНИКА

Вступление	97
На Великом Волоке	
1. «Может быть, вот так все это было...»	98
2. «Запал мужицкий крут...»	98
3. «Огнем оранжевым заката...»	99
4. «Над Русью удельною вороны кличут...»	101
5. «Крепко подвели Петра голландцы...»	102
Первое водохранилище	104
На рассвете	106
Последняя баржа	109
Вышний Волочек	111
Мост	112
Рабочее слово	113
Читая старые газеты	117
4 июля 1920 года	119
Вечером	122
Красные платочки	124
Баллада о 144-м стрелковом Вышневолоцком полке	126
Памятник Олегу Матвееву в Польше	129
Приходит солдат к проходной	131
В Таллинском порту	134
Рукотворные звезды	136
«Вышний Волочек, твои каналы...»	138

Георгий Александрович Некрасов

ДЕНЬ ЗАБОТ

Л. О. изд-ва «Советский писатель» 1979 г. 144 стр. План выпуска 1979 г. № 170. Редактор *П. И. Кочурин*. Художник *М. Е. Новиков*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*. Техн. редактор *Л. П. Полякова*. Корректор *Е. Я. Лапинь*. ИБ № 1531. Сдано в набор 16.06.78. Подписано к печати 15.09.78. М 18652. Бумага тип. № 1. Формат 70×108¹/₃₂. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 3,73. Тираж 20 000 экз. Заказ № 587. Цена 45 коп. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.